
ЭНЕРГОРЕСУРСЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

С.Ф. Гребениченко

Московская городская Дума
ул. Петровка, 22, Москва, Россия, 127994

В.П. Давыдов

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации
ул. Охотный ряд, 1, Москва, Россия, 103265

В статье анализируется влияние энергетических ресурсов на геополитические интересы и внешнюю политику России. Авторы рассматривают геополитическое противостояние великих держав на Евразийском континенте как обусловленное в первую очередь борьбой за контроль над энергоресурсами, анализируют внешнюю политику Российской Федерации с точки зрения эффективности отстаивания национальных интересов. По мнению авторов, внешняя политика великих держав становится все более детерминированной ресурсным фактором.

Исторический прогресс ныне ассоциируется с обеспечением большинства обитателей планеты основными и растущими по количеству и качеству жизненными благами. Однако как этого добиться, что нужно для этого сделать, как и кто может и должен выработать маршруты этого пути — вот здесь род «*Homo sapiens*» сталкивается с дефицитом идей и предложений. Не в последнюю очередь мир переживает глобальный кризис потому, что у ведущих государств нет ясного представления о том пути, по которому пойдет человечество.

Вторая половина XX и начало XXI столетий выявили различные виды модернизмов, воочию показали, что исторический прогресс возможен не только на основе «западных ценностей», не только на базе традиционно-национальных культур, но и на противоположной западной индивидуалистической парадигме — коллективистской. Уже мало кого удивляет возможность, например, того, что к середине столетия Китай, Индия, перемоловшие на свой лад экономические принципы европейского общества и выдвинувшиеся на авансцену глобального мира, поведут за собой человечество вовсе не по, казалось бы, еще недавно неизбежному для всех традиционному западно-капиталистическому пути, а совсем по иному, который выработан ими на основе собственной рациональности и присущих им исторически достигнутых морально-этических ценностей. А они могут оказаться в значительной степени подходящими для народов других стран. Согласно прогнозам, уже к 2020 году Китай и Индия будут давать более трети мирового ВВП, причем в значительной степени именно за счет резкого развития НИОКР. Не стоит на месте огромный объединяющийся исламский мир, все более активно воздействующий на слабеющий «Старый Свет», перспективно подорвавший самого себя политикой бездумного следования в фарватере «Света Нового» по взлому стабилизирующих скреп послевоенного «ялтинского» мира.

Глобализационные процессы привели к тому, что прежняя преимущественно прямолинейная и откровенно силовая геополитика объективно стала подкреплять-

ся геоэкономикой, а взамен империализма «пространственного», «территориального» пришел империализм технологический, финансовый (США, Япония) либо ресурсный (Саудовская Аравия, Россия) или даже в широком смысле «ширпотребовский» (КНР).

Россия как таковая привлекает к себе пристальное внимание не только огромными энергетическими ресурсами (1). Глобальное потепление ведет к тому, что уже к середине столетия наша страна может стать чуть ли ни монополистом по запасам пресной воды и наличию экологически чистых районов на бескрайних просторах юга Сибири и Дальнего Востока, которые при условии развития современной инфраструктуры будут становиться все более комфортными для проживания, туризма, отдыха. Далеко не в последнюю очередь именно этими «новыми реалиями» и обусловлена попытка идеологов однополярного («НАТОВского», а не «ООНовского») мира реализовать опасную идею «перераспределения» богатств Земли, будто бы принадлежащих в глобальном мире всем землянам, а не отдельным государствам. Именно на реализацию этой идеи и направлены все нынешние усилия по обеспечению политического лидерства США. Согласно этой идеологии, одухотворяющей соответствующую политику, единственно надежным основанием всего мирового порядка, по меньшей мере, первой половины XXI века, станет прочное ядро США и расширяющегося Европейского Союза, фактически и составляющих глобальный расширенный центр однополярного мира. Нынешний президент США Барак Обама весной 2008 г. так откровенно и заявил о своих целях: «Мы вернем себе роль «международного шерифа».

Пример ЕС как модели объединения общих экономических, демократических и правовых ценностей уже в определенной мере служит ориентиром для Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. При этом ценности, как показывает опыт, могут быть и несколько иными. Например, шесть богатых нефтью и газом арабских монархий (Кувейт, Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Оман) с 2008 г. начали жить в условиях общего рынка как члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Это означает, что все подданные арабских монархий могут пользоваться одинаковыми правами во всех шести государствах (передвижение между странами, выбор места жительства, инвестиции, здравоохранение, социальные льготы). Жители любой из стран сотрудничества наравне с местными жителями имеют возможность работать в любом секторе экономики, инвестировать, покупать акции, создавать компании, приобретать недвижимость (см.: [9]). Объединительные тенденции (прежде всего, в экономическом плане) происходят в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Северной Америке (США и Канада), в отношениях США и латиноамериканской Мексики, в Южной Америке (Южноамериканское Сообщество Наций, включающее 12 государств) [2. С. 165].

В Европе Франция стремится реализовать идею создания Средиземноморского союза. Этот региональный альянс должен объединить государства региона, в том числе страны арабского Магриба, ряд европейских держав, а также Турцию, Израиль и Ливан. Союз предполагает объединение усилий в решении проблем безопасности, экологии и миграции населения, способствовать единению эконо-

мик стран. С одной стороны, эти процессы призваны стать определенным барьером на пути возможного распространения «синдрома Косова». А с другой стороны, — рычагом «привязывания» так называемых малоуправляемых государств к политике «сильных мира сего», вовлечения их в «нужную» орбиту с целью активного использования их немалого потенциала в интересах перспективного обеспечения собственной стабильности творцов «нового» переустройства мира.

Напротив, в геопространстве бывшего Советского Союза происходят совсем иные процессы. Под мощным давлением Запада (суть политики которого — изоляция, ослабление и последующее расчленение России), внутрироссийских деструктивных сил и вследствие прямо-таки опасной для России проводимой ее внешнеполитическим ведомством политики «невмешательства» одна за другой бывшие советские республики отворачиваются от России, нередко становясь чуть ли ни откровенными ее врагами. «Мы по сути дела предали наших союзников, бросили их на произвол судьбы» [6. С. 11] — с таким выводом политолога С. Маркова нельзя не согласиться: это, увы, безрадостный, но объективный итог всей нашей внешней политики последних 10 лет. Украина, Грузия, Молдова, Азербайджан уже своими попытками и реальными шагами по вступлению в ЕС и НАТО очень сильно давят на Россию и Кавказ, а опосредованно и на Центральную Азию. В Казахстане, например, по поручению Президента Н.А. Назарбаева на правительственном уровне активно разрабатывается программа «Путь в Европу».

Одна из главных причин центростремительных тенденций на пространстве СНГ и устремления его составляющих в западноевропейском направлении — неполная ясность для членов Содружества позиционирования Россией самой себя. Естественно, у них возникают вопросы. Куда она на самом деле движется? Что собой представляет ее реальный строй? Каковы скрытые перспективы ее развития? Каковой будет на деле ее внутренняя и внешняя политика, с кем и как она собирается дружить?

С избранием Президентом России Д. Медведева ответы на эти вопросы яснее не стали, несмотря на, казалось бы, активную «разъяснительную работу» единого штаба бывшего и нынешнего президентов. Однако если исходить из объективных обстоятельств и провозглашавшихся в предвыборный период целей, можно с большой степенью вероятности обрисовать векторы, по которым могут быть направлены усилия власти по реализации намеченного.

Формально исторический период «путинской России» закончился. Он был насыщенным и в целом обозначил позитивный тренд развития, хотя мог бы быть и значительно более плодотворным на фоне невероятно благоприятной мировой конъюнктуры на углеводороды, которыми так богата Россия. Главное — страна была сохранена и в принципе намечены основные параметры и вехи на пути ее перспективного развития. И, тем не менее, стратегически «рубеж-2008» имеет для будущего России важнейшее значение. Ибо вопрос стоит так: пойдет страна вперед или, повторяя прошлое, будет топтаться на месте и уже навсегда выпадет из строя передовых государств XXI столетия. И выбор зависит во многом от того, какие именно силы возглавят развитие страны — стратегически или тактически ориентированные, общецивилизационно либо узконационально мыслящие, патристически либо компрадорски настроенные.

Вот, собственно, между такими группами сил шла и продолжает идти ожесточенная борьба. И, конечно, она отнюдь не замыкается внутри страны. Смысл любого противоборства в XXI веке — доступ к мировым природным ресурсам: кто будет ими владеть, тот и будет править миром. А в России их немерено. Поэтому борьба «за Россию» — вполне реальная битва гигантов — США, Европы, Китая. И суть ее — вырвать у России ее природные богатства (второе место по экспорту нефти, «Газпром» — 30% мировой добычи газа, «АЛРОСа» — почти четверть мировой добычи алмазов, РУСАЛ — крупнейший в мире производитель алюминия и глинозема) и использовать их в собственных целях, сохранив за ней статус «вечно развивающейся». Здесь — не до иллюзий: речь идет о существовании России, ее целостности и суверенитете, ее будущем. Об этом вполне откровенно сказал сам В. Путин: «или Россия станет лидером в ряде отраслей, или ее не будет» (см.: [3]).

Сегодня экономические, финансовые и военные вызовы тесно взаимосвязаны. Разрабатываемый Соединенными Штатами пересмотр «ялтинского» мира во все не случайно предпринят именно сейчас. Технологическая и военная слабость России, влекущая падение ее престижа даже в рамках постсоветского пространства, появившиеся возможности давления на нее со стороны «новых демократий» на фоне растущих экономико-технологических трудностей обуславливают реальный шанс низвержения России до коленопреклоненного состояния.

Перед лицом внешних вызовов и внутренних тоже вполне реальных угроз страна должна мобилизоваться; необходима политика, направленная на развитие, на вложение сил и средств в перспективные точки роста. Уже крупный российский бизнес в лице президента Ассоциации российских банков Г. Тосуняна просто-таки требует «прекратить размещать свободные финансовые ресурсы России на внешних рынках» и направлять накопленные средства «на развитие экономики России». Страна должна использовать свои финансы для обновления основных фондов, реализации инновационных программ, развития дорожной и транспортной инфраструктуры, решения жилищных проблем граждан. Другое важное направление — развитие крупного бизнеса, лоббируемое государством, состоит в экспансии российского капитала за рубеж, реализации проекта «институционального трансферта» — проникновения, прежде всего, в страны СНГ, Балтии и, в зависимости от возможностей, в Европу (да и в иные регионы, например, в Юго-Восточную Азию, даже в Австралию) путем приобретения активов крупных компаний, трубопроводов, газораспределительных сетей и иных инфраструктурных сегментов. Например, в Молдавии полностью и в немалой степени в Украине и Беларуси национальная газовая отрасль находится под экономическим контролем «Газпрома» как монополиста, продвигающего политические цели Кремля. Армении за долги пришлось передать России свою атомную электростанцию. В европейских странах и даже в США или в Южно-Африканской Республике российские нефтегазовые, сталелитейные, золото- и алмазодобывающие компании также стремятся расширить свое влияние, фактически реализуя политику «ресурсного империализма».

Ключевым для многих стран мира становится вопрос: намерена ли Российская Федерация в обозримой исторической перспективе использовать энергетиче-

ские ресурсы как средство политического воздействия на евразийском пространстве? А если «да», то почему, против кого и в какой степени? Очевидно, «да». Но здесь возможны варианты. Первый — энергетическое давление нацеливается, образно выражаясь, для усмирения «трансатлантов», навязывающих нашему Отечеству мифологему необходимости интернационализации ее нефтегазовых ресурсов. Второй — энергоресурсы России являют собой, условно говоря, средство воздействия и привязывания к себе как западных, так и восточно-азиатских потребителей. Третий — Россия мирно регулирует энергетические балансы Европы и Азии, заявляя себя гарантом их нефтегазовой безопасности.

Несмотря на официальные заявления нашего правительства о том, что Россия не использует и впредь не будет использовать свои энергоресурсы «в качестве инструмента политического нажима», представляется, что неофициально она вынуждена его применять. Так происходит потому, что это побочный, но обязательный атрибут всех стран-экспортеров. Этот процесс обнаружил себя еще в начале последней трети XX в., но ныне в условиях крайне высоких цен и растущего спроса на энергоресурсы и регионально-конфликтной разбалансированности мира энергополитика стала постоянным и универсальным средством выживания для многих государств. А поскольку Российская Федерация — один из лидеров в нефтегазовой добыче, а иных — высокотехнологических — ресурсов у нее по-прежнему нет, она более всех подвержена такого рода политизации экспорта своих природных богатств. «Россия — это единственный серьезный игрок на евразийском энергетическом пространстве, который четко знает, чего хочет достичь и куда двигаться. У нее есть неоспоримые преимущества в добыче и транзите энергоносителей в Европу. При этом я не знаю ни одной страны в мире, которая бы отказалась от своего монопольного положения на рынке, и Россия здесь не исключение», — отмечает ведущий грузинский эксперт по экономическим вопросам Георгий Хухашвили (см.: [4]).

События последних лет свидетельствуют, что у ЕС пока нет реальных альтернатив, адекватных российским энергетическим поставкам. Заявления же отдельных западных лидеров, подобные высказываниям ряда американских сенаторов и конгрессменов, о том, что энергетическое давление России следует приравнять к военным акциям и соответственно реагировать на них, только усиливают политическую мотивацию Российской Федерации в области энергопоставок.

Российские энергетические интересы все больше концентрируются в трех географических направлениях: в европейской зоне с уже действующими российскими трубопроводами; в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где быстро растет спрос на энергоресурсы, прежде всего у Китая и Индии; в Центральной Азии. Россия как производитель, поставщик и транзитер доминирует на европейском и центральноазиатском пространствах. В случае же ее выхода после 2010—2012 гг. на энергетические рынки АТР можно будет говорить о глобальном энергетическом объединении трех геоэкономических пространств через Россию. Разумеется, такой перспективный геополитический сценарий идет вразрез с американским стратегическим видением, поэтому-то любые прорывы России в данном плане рассматриваются США как политический вызов американским интересам в мире в целом, в том или ином регионе в частности.

«Трансатланты» крайне озабочены ростом политической зависимости стран ЕС от монопольного положения «Газпрома». «Если бы поставки российского газа контролировала не единственная компания, а несколько, лучше частных, тогда и обеспокоенность США пошла бы на убыль», — утверждает сотрудник американского Фонда «Наследие» Ариэль Коэн. Но политическим руководством России все 2000-е годы эта государственная компания целенаправленно рассматривается важнейшим инструментом внешней политики.

Неслучайно эксперты многих государств на постсоветском пространстве, прежде всего Украины, Грузии, Беларуси и даже самой России, признают, что нефть и газ являются сегодня важным политическим инструментом. Это значит, что Россия, которая владеет основными запасами углеводородного топлива на евразийском пространстве, на правах монополиста будет и впредь использовать свои природные богатства в нужном ей геополитическом и геоэкономическом направлении. История с прокладкой южного трубопровода в обход Грузии и северного, по морю, в обход Украины и Беларуси — тому прямое свидетельство. Действующий ныне транзитный канал через Грузию в скором времени может опустеть, поскольку Россия приняла решение пустить топливо в обход страны, с которой у нее складываются явно недружественные отношения.

Представляется, что и позиция Греции, заблокировавшей вступление Македонии в НАТО на саммите глав государств «трансатлантического альянса» в Бухаресте в апреле 2008 г., и действия ФРГ по торможению вхождения Грузии и Украины кандидатами в эту военно-политическую организацию, на самом деле были скрыто предопределены позицией России, однозначно решившей выбрать для прокладки трубопроводов в Грецию и ФРГ более сложные морские пути вместо, казалось бы, проверенных сухопутных по территории стран Восточной Европы. Налицо ситуация, когда Россия действительно использует поставку и транзит своих энергоресурсов для рационального, на ее взгляд, причем мирного переустройства мира, в противовес воинствующей экспансии Соединенных Штатов в том или ином регионе их «национальных интересов».

Однако, став влиятельным поставщиком углеводородов в Европу и некоторые другие регионы, поставив их в определенную зависимость от себя, Россия в то же время оказалась и сама их заложником. Ведь контракты заключены на десятки лет, и мы обязаны все время наращивать усилия по добыче нефти и газа, что становится все более обременительным и дорогостоящим. А средства, усилия, интеллектуальный потенциал нужны — в целях диверсификации экономики — именно в других, прорывных отраслях.

Главная задача — обеспечение перехода от политики стабилизации к политике инновационного развития. Сегодня в России (берущей многое из позитивного опыта Китая), по сути, развернута попытка авторитарной модернизации, реализуемой руками контролируемых или субсидируемых государством мегакорпораций при поддержке фактически однопартийной политики. Таким путем несколько десятилетий назад шли Япония, Южная Корея и Индонезия. Это — курс на развитие экономики преимущественно на собственной сырьевой и создаваемой во многом заново инновационно-технологической базе, на ликвидацию необосно-

ванной зависимости от импорта, на защиту традиционных российских ценностей. Возврат к практике управления посредством министерств и государственных комитетов — это, на деле, выстраивание экономики с элементами государственной организации, установление вполне определенных «правил игры» и строгое отслеживание их исполнения. На первый план выходит законодательное регулирование процессов социально-экономического развития. Предполагается, что механизм государственного принуждения должен заработать всерьез, чтобы любая форма собственности использовалась эффективно. Поэтому либерализм — преимущественно в рамках обеспечения эффективности экономики. Главное — добиться оптимального баланса государственного регулирования и обеспечения прорывного развития всего народнохозяйственного комплекса за счет бизнеса. Без первого все может попросту развалиться, без второго — не может быть обеспечено эффективное развитие. Здравоохранение, образование, решение демографической проблемы, запуск важнейших отраслей промышленности на новых технологиях, обеспечение россиян жильем, социальная (в комплексе), жилищно-коммунальная, военная реформы — все это проблемы, которые не могут быть решены и без государственной поддержки, и без самого широкого участия бизнеса. И, конечно, без народа. А это означает демократизацию. В экспертном сообществе высказывается вполне здравая идея о необходимости широкой национальной дискуссии. Но готова ли к ней власть? Путин дал вполне ясное задание — организовать как можно более широкое обсуждение стратегии долгосрочного развития России до 2020 года.

И вновь это наводит на мысль, что «эра Путина», как считают некоторые аналитики, «только начинается». И вместе с тем представляется, что такого рода заявления несколько поспешны. В том-то все и дело, что общий курс развития страны еще не определен. Он только-только начинает вырабатываться. И связано это, в первую очередь, с определением своей позиции новым Президентом России, распределением реальных полномочий между Путиным и Медведевым, расстановкой ключевых фигур на политическом поле.

Медведев предложил убрать всех чиновников из органов управления компаниями, в которых государство принимает участие. Это — очень серьезное заявление, если иметь в виду фамилии чиновников, названия компаний. Далее. Медведев — технократ и юрист, и в этом смысле — законник. Он выступает за правовое государство, за независимость судебной системы от законодательной и исполнительной ветвей власти [1. С. 13]. Он предложил создать новый общественный телеканал по правовому образованию граждан, призвал передать значительную часть функций местного самоуправления общественным организациям, выступил с планом борьбы против бюрократии и предложил налоговые льготы в сфере расходов на образование, здравоохранение и пенсионное обеспечение. Если он будет достаточно принципиальным, тогда в плане ограничения вмешательства бюрократов в управление экономикой, борьбы с коррупцией он может быть и жестче, и успешнее Путина.

Защищая укрепление государства Путиным, Медведев, тем не менее, акцентировал внимание на том, что «ни в коем случае нельзя приносить в жертву ук-

реплению порядка фундаментальные ценности, основные права и свободы человека». И пояснял при этом: «считать, что у России особый путь и собственный набор вызовов, мне кажется, абсолютно наивно» (см.: [8]). Отметим, что подобная позиция никак не стыкуется с мнением ряда российских аналитиков (в той или иной мере оказывающих влияние на политиков), наиболее рьяные из которых вообще предлагают изоляционизм «в качестве национальной идеи новой России», т.е. «видеть и мыслить Россию вне Европы и вне Азии» [11. С. 97; 6. С. 15]. На самом деле третий Президент предлагает миру реальный вариант обмена активами с Россией, который мог бы гарантировать энергетическую безопасность всего евроазиатского континента и способствовать созданию «оптимальной формы партнерства». Допуск российского капитала в сферу нефтепереработки и распределения энергоресурсов в Европе и Азии в обмен на инвестиции отсюда в добычу российских нефти и газа, по его мнению, только повысит экономическую эффективность и безопасность на всем огромном евроазиатском пространстве.

Отметим и другой важный момент. Тренд общественных настроений — в нарастании претензий к власти: «почему мы живем бедно в богатой стране?», что предполагает требование наведения порядка во всем, правовой защищенности, а главное — обеспечения социальной справедливости. Да и понятно, что при бедном населении не может быть устойчивого развития. А «вхождение в мир» как раз и вызывает нарастание новых проблем. Это, прежде всего, касается тех секторов общественного развития, где мы значительно отстаем (инфраструктура, управленческие институты) и где эта отсталость вошла в острый конфликт с требованиями инновационного развития: доходы населения, стандарты потребления, социальная структура, взаимоотношения власти и общества.

Поэтому опять — в который уже раз! — основная проблема: перераспределение власти и собственности — встала на пути тех сил, которые хотели бы и после оставления поста президента В. Путиным застолбить все, как есть, поскольку именно это их и устраивает. Но другие-то понимают, что даже и для сохранения и упрочения устраивающего status quo нужно как раз многое менять, чтобы не нарваться на взрыв малоимущих страт населения. Сегодня уже и чиновничье-корпоративному капиталу ясно, что без доступа более широких масс к благам цивилизации, к качественному образованию, к экономическим и политическим решениям нельзя дальше развиваться, не раздражая, в том числе, западных бизнес-партнеров сомнительной легитимностью приобретенной не совсем законными методами, а то и просто откровенным рейдерством собственности. Более того, и мировым олигархическим группировкам совсем невыгодно терять такой огромный рынок, как наша страна; а нищая и неграмотная по современным меркам Россия, да еще испытывающая огромный дефицит квалифицированных кадров, неспособна освоить массовые инвестиции и новейшие технологии.

Переход на инновационный путь развития — это далеко не в последнюю очередь хорошая зарплата, поскольку только высокая зарплата стимулирует качественную работу, а значит, и рост предложения (товаров, услуг, инноваций), который, в свою очередь, стимулирует потребление (т.е. ту же работу), сглаживая тем самым инфляцию. При этом важнейшее значение приобретает активное использование социальных факторов экономического развития, что означает отбор

у добывающих монополий незаконно присваиваемой ими принадлежащей всем россиянам ренты от использования природных ресурсов и направление ее на социальное развитие (образование, здравоохранение, воспитание подрастающего поколения); полученные тем самым дивиденды позволят в дальнейшем активно использовать уже интеллектуальную ренту как фактор обеспечения инновационного развития. Хроническая же нищета вызывает безверие в перспективу, отрицание у молодежи самой необходимости получения образования, социальную апатию, порождает психологию выживания, ведущую к морально-нравственной деградации населения, определяет не только его непригодность к активному творческому труду, но и нарастание внутренней агрессивности.

Уровень конкурентоспособности инновационной экономики (а это, прежде всего, «отрасли знаний» и высокотехнологичные отрасли промышленности) все в большей степени определяется как раз качеством профессиональных кадров. Формирование же принципиально нового кадрового корпуса требует внедрения и принципиально новых технологий управления. Функции такого рода инновационно-управленческих структур всех уровней должны состоять именно в отборе на жестко контролируемой конкурсной основе оптимальных с точки зрения эффективности, затратности и скорости масштабирования вариантов предлагаемых продуктов; финансы же на их освоение должны выделять не связанные с ними специальные подразделения других ведомств.

Новые задачи требуют иного подхода к управлению и макропроцессами. Нужен менеджмент, учитывающий именно российские особенности, ориентированный на решение специфически национальных проблем. Необходимо такое правительство, которое работало бы на обеспечение именно перспективного развития страны. В нем нужны люди, которые думают не о том, как бы еще увеличить и без того огромный Стабилизационный фонд и сохранить его (причем принципиально не в России) до неких «худших времен», а как с его помощью комплексно решать насущные задачи технологического прорыва (2). Люди, которые думают не о том, чтобы обеспечить прирост зарплат и пенсий на 10 долларов в год, а о том, какие меры необходимо принимать и как действительно обеспечить их эффективную реализацию в целях принципиального решения демографической проблемы и осуществления радикальной и выгодной для людей пенсионной реформы. Люди, которые думают не о том, как за счет нищих жильцов заменить сгнившие трубы в разваливающихся от ветхости домах, а как при решающей роли государственных и муниципальных властей, но с обязательным участием ограбившего в 1990-е годы этих самых жильцов бизнеса обеспечить строительство новых поселков и городов. Думających не о том, как поймать кучку «оборотней» или мелких взяточников, а как реализовать на деле комплекс всем известных мер, ломающих в принципе коррупционную систему, ставшую имманентным пороком российского государства. Думających не о том, как бы уколоть соседнюю страну, запретив ввозить ее вино, посадив ее на газовую (нефтяную) иглу, а о том, как построить реально действующую систему единения постсоветского пространства, постепенно объединяющегося с Европой и в то же время активно взаимодействующего и с Югом, и с Востоком. Нужны, прежде всего, люди компетентные, интеллигентные (т.е. думающие не только о себе лично, но и о стране, всех гражданах

России), люди сильной воли, независимо мыслящие и ответственные. То есть, по-просту — люди честные. И они есть. Их нужно только собрать. Причем собирать их нужно по всей стране. И расставить по ключевым точкам. Вот тогда — может быть! — можно будет что-то сделать в плане формирования и реализации качественно новой политики социального развития. Но сделать это сможет только тот, кто сам отвечает таким критериям.

Необходимость новой внутренней политики во многом (а, может, и в большей степени) обусловлена международными условиями, сложившимися в последние годы. Прежний — «ялтинский» — миропорядок фактически стал разваливаться с ликвидацией СССР, что и стало основным результатом «холодной войны». Косовский прецедент явился лишь последним и далеко не самым главным свидетельством глобального наступления Запада, в основу которого положено его стремление в условиях реального усиления Китая, начинающей вставать с колен России, растущей роли целого ряда еще недавно не принимавшихся во внимание государств сформировать мир на базе навязывания (вплоть до силового) странам и народам западных жизненных установок и ценностей. При этом его не смущает неадекватность подобных устремлений реальному положению дел в современном мире — просто у него не остается иного выхода, ибо историческое время во многом работает на модель многообразия вариантов прогрессивного развития. И в конфликте вокруг Косова американская позиция состояла в том, что Сербия была нестабильна именно из-за этого края, поэтому его «ампутация» станет-де благом для обеих сторон, поскольку в близкой перспективе оба государства будут-таки членами ЕС, где внутренних границ не существует, и проблемы рассосутся естественным путем и без ущерба для интересов друг друга.

Внешнеполитическая ситуация очень сложная. Если Россия при президентстве Медведева будет в немалой степени ориентироваться, как он заявляет, на Европу, на демократические ценности, это потребует серьезных изменений во всем нашем курсе защиты российских интересов в мире «всеми способами в рамках международных правовых норм».

Сегодня российское руководство как раз и раздражает, прежде всего, то, что эти международные правовые нормы меняются без его согласия, что в мире объективно создается другая система международной безопасности, в которой России отводится гораздо более скромное место. Некоторые аналитики, имеющие, кстати, немалое влияние в российских политических кругах, стоят на позиции, будто давно сложившиеся международные нормы — это святое, и их никак нельзя ни ломать, ни игнорировать, иначе-де мы, признав (3), например, Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье и даже Нагорный Карабах, отказываемся от своих моральных принципов. Ну, так мы и остаемся все последнее время со своими моральными принципами, теряя одни международные позиции за другими! А оппоненты наши, отбрасывая, по их мнению, устаревшие нормы международного права, сложившиеся в совершенно другой обстановке, реализуют свои национальные интересы, все более окружая, изолируя и ослабляя Россию.

Выход США из Договора об ограничении противоракетной обороны, намерения развернуть новые районы ПРО теперь уже не только в Европе, но и в Турции или где-то на Кавказе либо в районе Каспия ведут к тому, что в результате

Россия потеряет статус страны, которая хотя бы теоретически может нейтрализовать самое мощное государство в мире. При этом Запад недвусмысленно и открыто выдвигает на первый план такое универсальное объединяющее ЕС и НАТО начало, как «западные демократические ценности». Они предполагают прозрачность государственных структур, подотчетность исполнительной власти парламенту, свободные выборы, что, наряду с отсутствием территориальных проблем, и является обязательными условиями приема в эти организации новых членов либо в значительной степени открытия реальных возможностей глубокого взаимовыгодного сотрудничества, например, вступления в ВТО. Именно эта парадигма и выдвигается в качестве основы «замены» ООН как организации, в которой ныне Россия как постоянный член Совета Безопасности имеет исключительные права, организацией, в которой ключевую роль играют члены НАТО. Более того, все более зримым становится то, что «дефицит» такого рода ценностей означает отстранение кого бы то ни было от принятия важнейших решений. Это и было наглядно продемонстрировано в одностороннем решении США о бомбежках Югославии, в агрессии против Ирака, кстати говоря, одной из целей которой было и остается недопущение или выдавливание из этого региона России. А ведь в районе Персидского залива только разведанные запасы нефти составляют примерно 50 триллионов (!) тонн; один только Ирак располагает десятой частью разведанных мировых запасов нефти (см.: [7]). Это продемонстрировали и в случае с Косово, и в попытках вовлечения Украины и Грузии в НАТО, да даже и в заявлении кандидата от республиканцев на пост президента США Дж. Маккейна о том, что, придя в Белый дом, он попросту не будет пускать Россию на саммиты «Большой семерки».

Выход России из ДОВСЕ, разговоры о возможности выхода из Договора по ракетам средней и меньшей дальности, угрозы нацелить ядерные ракеты на Польшу и Чехию и даже на Украину (если она вступит в НАТО) не вызывают у этих и других государств ничего, кроме раздражения и разочарования. Если Медведев будет проводить такую политику, то столкнется с теми же трудностями, что и его предшественник. Вряд ли это та внешнеполитическая линия, которая способствует укреплению авторитета России в мире, в Европе, на пространствах Содружества Независимых Государств. Тем более что в Содружестве есть и «восточный фланг». Нельзя не видеть, что за последние годы Китай добился беспрецедентного влияния на экономическую инфраструктуру центральноазиатской части постсоветского пространства. В Киргизии «Поднебесная» имеет практически ключевые позиции. В Казахстане китайское влияние скоро сравняется с западным. Туркменистан связан договором о стратегических поставках газа. Поэтому нейтрализация растущего китайского влияния на востоке от России, как, впрочем, и европейского к западу от нее, зависит ни от кого иного, кроме как от самого нашего руководства. Если не будет преодолена деградация восточной «половины» страны, если не будет найдена иная формула социальной справедливости, если Россия не обретет равновесия в отношениях с Западом, если не объединит хотя бы часть своих исторических союзников в режиме реинтеграции, то внешние угрозы для страны будут только нарастать и исходить фактически от всего окружения.

Пытаясь противостоять подобным вызовам и опасностям, Россия стремится максимально использовать, прежде всего, свои немалые энергетические возможности. Ведь что в последние годы происходит? Мощные, мирового уровня нефте- и газодобывающие компании, переросшие национальные границы и ощутившие их тесноту, образуют огромные международные объединения, которые, используя провоцируемый ими же самими ажиотажный спрос на собственное сырье, преследуя, казалось бы, чисто бизнес-экономические интересы, на деле ставят вполне доминирующие и далеко идущие политические цели. Они настолько сильны, что решают задачи, а дать ли нефть (газ) Китаю? Или Индии? Или Японии? Да даже и тем же Штатам? Они решают, где, сколько и когда добывать углеводородов, куда их транспортировать и как контролировать потоки, вести ту или иную трубу здесь или там, по территории этой страны либо в обход ее, пустить нефтегазовые потоки на Запад или на Восток. Эти международные мегакорпорации не знают национальной принадлежности, им все равно, где добывать, что добывать, с кем сотрудничать, они вышли из «национальных пеленок» не для того, чтобы служить интересам той или иной страны, а за тем, чтобы через экономическую экспансию обеспечить расширение своего политического влияния с конечной целью канализировать мировое развитие в соответствии с собственными представлениями. Сейчас эти гиганты задались вопросом, как прихватить еще сегодня посредством заключения долгосрочных соглашений приобретающие уже завтра ключевое для всего мира значение запасы нефти и газа в Центральной Азии, чтобы держать в собственных руках «ключи от неба» и заставить мир «плясать под свою дудку». Что уж говорить о том, что именно такого рода экономико-политические образования держат под своим жестким контролем ситуацию в любой стране, где присутствуют их интересы.

На этом фоне можно считать немаловажной победой руководства России формирование в противовес транскаспийскому проекту прикаспийского, предусматривающего поставки среднеазиатского газа в Европу не в обход России, а по ее территории. Итоги среднеазиатского визита В. Путина в феврале 2008 г., воплотившиеся в конкретном транспортно-энергетическом проекте, наряду с соперничеством сверхдержав в повышении степени влияния на регион, высветили и другую немаловажную для его будущего вещь — формирование финансово-экономической основы для качественно нового этапа реинтеграции хотя бы для части постсоветского пространства. Возникает естественный вопрос: почему в основе этого процесса не может лежать соглашение об объединении усилий по осуществлению трансгазовых и транснефтяных проектов России, Казахстана, Туркменистана?! Кстати, именно Россия и Казахстан как наиболее экономически сильные и развитые государства могли бы взять на себя объединительную в экономическом и политическом смысле миссию. Однако, к сожалению, пока складывается впечатление, что целый ряд государств СНГ готовы к экономической (а некоторые и даже более тесной и системной) интеграции с Россией, а Россия как объективный интегратор процесса не готова к этой своей исторической миссии. И это также большая проблема.

Кстати, процессу реинтеграции мог бы способствовать и другой, тоже немаловажный процесс. В последнее время, когда мировая экономика испытывает значительные сложности, а американская валюта все более слабеет, в целом ряде регионов объективно складывается антидолларовый альянс. Иран с 2005 года стремится продавать нефть за иены и евро. Посол Ирана в России, обсуждая взаимный интерес Тегерана и Москвы в вопросе торговли нефтью, заявил, что Иран может начать продавать нефть и за рубли, «чтобы освободить исламскую республику от долларовой рабства». После пуска новой нефтяной биржи в Санкт-Петербурге это становится нормой и для России (причем не только в отношении нефти). О переходе на другие валюты при расчетах за нефть говорят Венесуэла, многие другие государства Латинской Америки, Нигерия, Индонезия, арабские страны. О возможности отказа от доллара в торговле нефтью заявил исполнительный директор ОПЕК. И хотя дедолларизация мирового рынка энергоресурсов может занять несколько лет, эту тенденцию, по-видимому, трудно остановить, если США не сумеют достаточно быстро преодолеть свои нынешние серьезные экономические невзгоды. Америке же переход на расчеты при торговле энергоресурсами на другие валюты не сулит ничего хорошего. Ибо это будет мощный удар по доллару, а значит, и по стратегическим позициям США. Естественно, они приложат все усилия (не только свои, но и союзников!), чтобы этого не допустить. И тенденция здесь может просматриваться одна — ужесточение форм, методов, способов и приемов отстаивания своих собственных национальных интересов. И игнорирование интересов других государств, в том числе, разумеется, и России. Что, собственно, и происходит.

Нам же нельзя не учитывать при этом и другие важные факторы. Например, намечается формирование некоего военного союза Турции, Азербайджана, Грузии. Это вынуждает Армению смотреть в сторону трансатлантического альянса. Недаром она собирается к 2015 г. привести свои вооруженные силы в соответствие с натовскими стандартами. Те же процессы идут и в других государствах региона. А это значит, что ракеты и другие военные средства НАТО будут уже и на западных, и на южных границах России.

В этой ситуации, прежде всего, в интересах самой России предпринять ряд важных внешнеполитических шагов, направленных на формирование более благоприятной международной обстановки. Такими шагами могут быть следующие. Стимулирование совместной с США и ЕС работы по подготовке и принятию стратегии долгосрочного укрепления мировой энергетической безопасности. Предложение реалистической программы обеспечения международного мира с вовлечением наиболее авторитетных государств (США, ЕС, Японии, России, Китая, Индии, Бразилии, Австралии, Южно-Африканской Республики, может быть, некоторых других) как шаг на пути создания расширенного мирового центра принятия наиболее важных для человечества решений. Выдвижение инициативы формирования мирового Совета мудрецов (в развитие идеи уже созданной в рамках ЕС Группы мудрецов (4)), целью деятельности которой явилась бы разработка возможных путей перспективного развития человеческого сообщества.

Но главные свои усилия Россия должна направить на активизацию интеграционных процессов в постсоветском пространстве. Это, наряду с дальнейшими демократическими преобразованиями в нашей стране, может и должно стать основой ее безопасности в XXI столетии. Если Россия осилит и хотя бы в мере «критической массы» исполнит эту свою историческую задачу, все постсоветское пространство неизбежно со временем вновь стянется в некое более или менее единое геостратегическое образование. Его созданию, конечно, с ожесточением будут препятствовать силы, не заинтересованные в этом по причине блокирования реализации собственного влияния. Так что от решения стоящих перед нынешним руководством России проблем зависит не только собственно будущее нашей страны, но и перспективы всего населенного во многом нашими соотечественниками постсоветского пространства. В то же время объективно интерес и самих этих новых государств также состоит не в отдалении, а, напротив, в сближении с демократической и экономически усиливающейся Россией, которая единственно и может обеспечить их перспективную безопасность и возможность прогрессивного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Газ — энергия первой половины XXI столетия. А 30% всех известных мировых запасов газа находится на территории России. 25% — в Катаре и Иране. А в США — всего 3,3% мировых резервов (см.: [5]).
- (2) Политика Минфина привела к тому, что «на один рубль, работающий в российской экономике, более трех резервируется преимущественно в иностранных активах» [10. С. 33]. И только в 2007 г. под мощным давлением реально мыслящих политиков и лично В. Путина Стабилизационный фонд был, наконец, разделен на три части: Резервный фонд; часть, идущая в федеральный бюджет для выполнения масштабных социальных программ; Фонд будущих поколений, куда направляются все остальные, прежде всего, нефтегазовые доходы.
- (3) Признание, кстати говоря, может иметь самые разные формы — заключение соответствующего договора, углубление экономической интеграции, распространение российского гражданства, проведение соответствующего референдума — как пожелает население той или иной республики; условие одно — народное волеизъявление и улучшение условий жизнедеятельности.
- (4) В середине декабря 2007 г. главы государств и правительств 27 стран — членов Евросоюза на саммите в Брюсселе одобрили создание так называемой «Группы мудрецов», которая будет обсуждать развитие ЕС с тем, чтобы обеспечить эффективное реагирование на вызовы в перспективе 2020—2030 годов. Аналитикам предстоит разработать модернизированный проект социально-экономической модели развития ЕС, а также предложения по общей миграционной политике, энергобезопасности, защите климата, борьбе с международной преступностью и терроризмом. В состав «Группы мудрецов» войдут не более девяти экспертов, которые будут представлять страны ЕС. Свои выводы эксперты должны будут представить к июню 2010 года.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гребениченко С.Ф., Давыдов В.П.* Разделение власти — фундамент парламентской деятельности // Социально-гуманитарные знания. — М., 2003. — № 5.
- [2] *Гребениченко С.Ф., Давыдов В.П.* Путинская Россия. — М.: РУДН, 2007.

Периодические издания

- [3] Аргументы и факты. — 2006. — № 49. — 6 декабря.
- [4] Видеомость по вопросам энергобезопасности с участием экспертов России, Украины и Грузии // REN-TV. — 2007. — 17 октября.
- [5] Известия. — 2003. — 18 декабря.
- [6] Наше время. — 2007. — № 50. — Декабрь.
- [7] Московский комсомолец. — 2003. — 15 февраля.
- [8] Московский комсомолец. — 2006. — 14 сентября.
- [9] Парламентская газета. — 2007. — 5 декабря.
- [10] Политический журнал. — 2006. — № 43/44.
- [11] Политический журнал. — 2007. — № 29. — 15 октября.

**ENERGY RESOURCES
AND GEOPOLITICAL INTERESTS OF RUSSIA**

S.F. Grebenichenko

The Moscow City Duma
Petrovka str., 22, Moscow, Russia, 127994

V.P. Davydov

The Russian State Duma
Okhotny Ryad str., 1, Moscow, Russia, 103265

In the given article is analyzed the influence of energy resources on geopolitical interests and foreign policy of Russia. The authors consider geopolitical competition of the great powers in Eurasian continent as determined mostly by struggle for control over energy resources. The authors also analyze foreign policy of Russian Federation as a tool of standing up national interests. The authors state that foreign policy of the great nations is becoming more and more determined by demand of energy resources.